

Толстой Лев Николаевич

Ходите в свете пока есть свет
Беседы язычника и христианина

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Ходите в свете пока есть свет: Беседы язычника и христианина / Толстой Лев Николаевич –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 72 с.

ISBN 978-5-519-77152-8

ISBN 978-5-519-77152-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

для твоего блага, а не открывать новые пути жизни.

Юноша замолчалъ и старшіе согласились съ тѣмъ, что сказалъ отецъ.

— Вы правы, — обратился къ отцу юноша человѣкъ женатый, среднихъ лѣтъ. — Вы правы, сказавъ, что юноша, не имѣя опыта жизни, можетъ ошибаться, отыскивая новые пути жизни и рѣшеніе его не можетъ быть твердо; но вѣдь всѣ мы согласились въ томъ, что жизнь наша противна нашей совѣсти и не даетъ намъ блага. Поэтому нельзя не признать справедливымъ желаніе выйти изъ этой жизни. Юноша можетъ принять свою мечту за выводъ разума, но я не юноша и скажу вамъ про себя: слушая разговоры нынѣшняго вечера, мнѣ пришла та же самая мысль. Та жизнь, которую я веду, очевидно для меня, не можетъ дать мнѣ спокойствіе совѣсти и блага; это мнѣ показываетъ и разумъ и опытъ. Такъ чего же я жду? Бьемся съ утра до вечера для семьи, а на дѣлѣ выходитъ, что и семья и самъ я живемъ не по божьи, а все хуже и хуже увязаемъ въ грѣхахъ. Дѣлаемъ для семьи, а семья вѣдь не лучше, потому что то, что дѣлаемъ для нихъ, не есть благо. И потому я часто думалъ, что не лучше ли бы, если бы я измѣнилъ всю свою жизнь и сдѣлалъ бы именно то, что сказалъ молодой человѣкъ, — пересталъ бы о женѣ и дѣтяхъ заботиться, а только бы о душѣ думалъ. Не даромъ и у Павла сказано: — женившійся печется о женѣ, а неженевшійся о Богѣ.

Не успѣлъ договорить этого женатый, какъ напустились на него всѣ бывшія тутъ женщины и его жена.

— Объ этомъ нужно было раньше думать, — сказала одна изъ пожелыхъ женщинъ, — надѣлѣ хомутъ такъ тяни! этакъ и всякій скажетъ, что хочу спастись, когда ему трудно покажется вести и кормить семью. Это обманъ

и подлость! Нѣтъ, человѣкъ долженъ сѣумѣть въ семьѣ по божьи жить. А то, такъ-то легко одному спастись. Да и главное, поступишь такъ, значить поступишь противъ ученія Христа. Богъ велѣлъ любить другихъ, а этимъ вы для Бога другихъ оскорблять хотите. А семью насиловать никто не имѣетъ права!

Но женатый не согласился съ этимъ. Онъ сказалъ:

— Я не хочу семью бросать. Я только говорю, что семью то и дѣтей надо вести не по мірски, не къ тому, чтобы они пріучались жить для своей похоти, какъ вотъ мы сейчасъ говорили, а надо вести такъ, чтобы дѣти смолоду пріучались къ нуждѣ, къ работѣ, къ помощи людямъ, а главное къ братской жизни со всѣми. А для этого нужно отказаться отъ знатности и богатства.

— Нечего другихъ ломать, пока самъ не по божьи живешь! — съ горячностью сказала на это его жена. — Ты самъ жилъ смолоду въ свое удовольствіе, за что же ты своихъ дѣтей и свою семью мучить хочешь? Пускай вырастутъ въ цокоѣ, а потомъ, что захотятъ то и будутъ дѣлать сами, а не ты ихъ заставляй!

Женатый замолчалъ, но бывшій тутъ старый человѣкъ заступился за него:

— Положимъ, сказалъ онъ, — нельзя женатому человѣку, пріучивъ семью къ извѣстному достатку, вдругъ лишать ее всего этого. Правда, что если уже начато воспитаніе дѣтей, то лучше окончить его, чѣмъ все сломать. Тѣмъ болѣе, что взрослые дѣти сами выберутъ тотъ путь, который найдутъ для себя лучшимъ. Я согласенъ, что семейному человѣку трудно и даже невозможно безъ грѣха переимѣнить свою жизнь. Вотъ намъ, старикамъ, это и Богъ велѣлъ. Я про себя скажу: живу я теперь безъ всякихъ обязанностей, живу, по правдѣ сказать,

только для своего брюха: ѣмъ, пью, отдыхаю, и мнѣ самому гадко и противно. Вотъ мнѣ бы пора бросить эту жизнь, раздать свое имѣніе и хотъ передъ смертію пожить такъ, какъ Богъ велѣлъ жить христіанину.

Не согласились и со старикомъ. Тутъ была его племянница и крестница, у которой опъ крестилъ всѣхъ дѣтей и дарилъ по праздникамъ, тутъ былъ и его сынъ. Всѣ возражали ему.

— Нѣтъ, — сказалъ сынъ, — вы поработали на своемъ вѣку, вамъ надо отдохнуть, а не мучить себя. Вы прожили 60 лѣтъ со своими привычками, вамъ нельзя отстать отъ нихъ. Вы будете только напрасно мучить себя.

— Да, да, — подтвердила племянница, — будете въ нуждѣ и будете не въ духѣ, будете ворчать и нагрѣшите больше. А Богъ милосердъ и всѣхъ грѣшниковъ прощаетъ, а не только васъ, такого добраго дядюшку.

— Да и въ чему намъ? — прибавилъ другой старикъ, ровестникъ дядюшкѣ. — Намъ уже съ тобою всего можетъ два дня жить осталось. Къ чему затѣвать?

— Что за чудо! — сказалъ одинъ изъ гостей, молчавшій во все время разговора. — Что за чудо! Всѣ говорятъ, что хорошо по божьи жить, а что живемъ мы худо, и духомъ и тѣломъ мучаемся; а какъ только дошло дѣло до дѣла, то выходитъ: что дѣтей ломать нельзя, а надо ихъ воспитывать не по божьему, а по старому. Молодымъ нельзя изъ воли родительской выходить, и надо имъ жить не по божьи, а по старому; женатымъ нельзя жену и дѣтей переламывать и надо жить не по божьему, а по старому; а старикамъ не къ чему начинать: и не привыкли-де, они, да имъ два дня жить осталось. Выходитъ, что жить хорошо никому нельзя, только поговорить можно.

1.

Было это въ царствованіе римскаго императора Трояна, сто лѣтъ послѣ Рождества Христова. Было въ то время, когда живы еще были ученики учениковъ Христовыхъ и христіане твердо держались закона учителя, какъ сказано въ дѣяніяхъ.

— У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Апостолы же съ великою силою свидѣтельствовали и воскресеніи Господа Іисуса Христа и великая благодать была на вѣрѣ ихъ. Не было между ними никого пуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго къ ногамъ апостоловъ и каждому давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду. (Дѣян. гл. IV, ст. 32—35).

Жилъ въ эти первыя времена въ странѣ Киликійской въ городѣ Тарсѣ, богатый купецъ, Сиріанинъ, торговецъ драгоценными камнями, Ювеналій. Вышелъ онъ изъ простыхъ и бѣдныхъ людей, но трудомъ и искусствомъ въ своемъ дѣлѣ нажилъ богатство и уваженіе своихъ согражданъ. Ъздилъ онъ много по разнымъ землямъ и, хотя не былъ ученъ, много узналъ и понялъ, и городскіе люди уважали его за умъ и справедливость. Вѣры онъ держался той римской, языческой, которой держались всѣ уважаемые люди Римской Имперіи: той вѣры, исполненіе обрядовъ которой стали строго требовать со времени Августа императора и которую твердо соблюдалъ и теперешній императоръ Троянъ. Киликійская страна далеко отъ Рима, но управлялась римскимъ начальникомъ, и все,

что дѣлалось въ Римѣ, отзывалось и въ Киликіи, и управители подражали своимъ императорамъ..

Ювеналій помнилъ въ дѣтствѣ еще рассказы про то, что дѣлалъ Неронъ въ Римѣ, видѣлъ потомъ, какъ гибли императоры одинъ за другимъ и, какъ умный человѣкъ, онъ понялъ, что во власти императорской и въ религіи римской ничего не было священнаго, но что все это было дѣло рукъ человѣческихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, и то, что противиться этой власти было невыгодно, и что, для своего спокойствія, надо было подчиниться установленному порядку. И не смотря на то, безуміе всей окружающей жизни, особенно же того, что происходило въ Римѣ, гдѣ онъ бывалъ по своимъ дѣламъ, часто смущало его. Были у него сомнѣнія, онъ не могъ объять всего и относилъ это къ своей необразованности.

Онъ былъ женатъ, и дѣтей у него было четверо, но трое умерли въ молодыхъ годахъ, остался одинъ, по имени Юлій.

На этого-то Юлія Ювеналій положилъ всю свою любовь и всѣ свои заботы. Въ особенности хотѣлось Ювеналію такъ воспитать Юлія, чтобы онъ не мучился тѣми сомнѣніями о жизни, которыя смущали его самого. Когда Юлію минуло 15 лѣтъ, отецъ отдалъ его въ ученіе къ поселившемуся въ ихъ городѣ философу, (филосовъ — умный, мудрецъ. Философія — наука о мудрости,) принявшему къ себѣ юношей на обученіе. Отецъ отдалъ его философу вмѣстѣ съ товарищемъ его, Памфиліемъ, сыномъ умершаго, вольноотпущеннаго раба Ювеналія. Юноши были ровестники, оба красивы и друзья.

Юноши учились оба прилежно, оба были нрава хорошаго. Юлій отличался болѣе въ изученіи поэтовъ и ма-

тематики, Памфілій же въ изученіи философіи. За годъ до окончанія ихъ ученія, Памфілій, придя въ школу, объявилъ учителю, что мать его вдова, уходитъ въ городъ Дафну и что онъ долженъ оставить ученіе. Жалѣлъ учитель о потери ученика, дѣлавшаго ему честь, жалѣлъ Ювеналій, но больше всѣхъ жалѣлъ Юлій. На всѣ увѣщеванія оставаться и продолжать ученіе, Памфілій остался непреклоненъ и, поблагодаривъ своихъ друзей за любовь къ нему и заботы о немъ, расстался съ ними.

Прошло два года, Юлій окончилъ ученіе и за все время онъ ни разу не видалъ своего друга.

Однажды онъ встрѣтилъ его на улицѣ, зазвалъ къ себѣ въ домъ и сталъ спрашивать о томъ, какъ и гдѣ онъ живетъ. Памфілій рассказалъ ему, что онъ съ матерью живетъ все тамъ же.

— Живемъ мы, — говорилъ онъ, — не одни, но съ нами много друзей, съ которыми у насъ все общее.

— Какъ общее? — спросилъ Юлій.

— Такъ, что никто изъ насъ ничего не считаетъ своимъ.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

— Мы христіане, — сказалъ Памфілій.

— Неужели? — вскрикнулъ Юлій.

Христіаниномъ быть въ то время было тоже, что въ настоящее время — заговорщикомъ. Какъ только кого обличали въ христіанствѣ, такъ тотчасъ его сажали въ тюрьму, судили его и, если онъ не отрекался, то казнили. Это-то ужаснуло Юлія. Онъ слышалъ всякіе ужасы про христіанъ.

— А какъ же мы говорили, что христіане убиваютъ дѣтей и ѣдятъ ихъ? Неужели и ты участвуешь въ этомъ?

— Приди и посмотри — отвѣтилъ Памфілій, — мы

ничего не дѣлаемъ особеннаго, мы просто живемъ, стараюсь не дѣлать ничего дурного.

— Но какъ же можно жить, ничего не считая своимъ?

— Мы кормимся. Если мы отдаемъ братьямъ наши труды, то они отдаютъ намъ свои.

— Ну, а если братья берутъ труды ваши, и не отдаютъ ихъ, тогда какъ же?

— Такихъ нѣтъ, — сказалъ Памфілій, — такіе люди любятъ жить роскошно и не придутъ къ намъ, жизнь у насъ простая и нероскошная.

— Да мало ли лѣнниковъ, которые рады будутъ тому, чтобы ихъ даромъ кормили.

— Есть и такіе и мы охотно принимаемъ ихъ. Недавно пришелъ одинъ такой, бѣжавшій рабъ. Сначала, онъ, правда, лѣнился и жилъ дурно, но скоро измѣнилъ свою жизнь и теперь сталъ хорошимъ братомъ.

— Ну, а еслибъ онъ не исправился?

— Есть и такіе. Старецъ Кириллъ говоритъ, что съ такими-то и надо поступать, какъ съ самими дорогими братьями и еще больше любить ихъ.

— Развѣ можно любить негодяевъ?

— Нельзя не любить человѣка!

— Но какъ же вы можете давать всѣмъ, то, что они просятъ? — спросилъ Юлій. — Если бы мой отецъ давалъ всѣмъ, кто проситъ, у него очень скоро ничего бы не осталось.

— Не знаю, — отвѣчалъ Памфілій, — у насъ остается на нужду. И если и случится, что нечего ѣсть или нечѣмъ прикрыться, такъ мы у другихъ просимъ и намъ даютъ. Да это рѣдко случается. Мнѣ только разъ и случилось лечь спать безъ ужина, да и то отъ того, что усталъ я очень и не хотѣлъ идти къ брату попросить.

— Не знаю, какъ вы дѣлаете, — сказалъ Юлій, — только, какъ отецъ говоритъ, если свое не беречь, да если еще давать всѣмъ, кто просить, такъ самъ съ голоду умрешь.

— Мы не умираемъ. Приди, посмотри. Мы живемъ и не только не нуждаемся, но даже много лишняго у насъ.

— Да какъ же это такъ?

— А вотъ отчего. Исповѣдуемъ мы всѣ одиный законъ, но силы исполненія у всѣхъ разныя: у одного больше, у другого меньше. Одинъ усовершенствовался уже въ доброй жизни, другой только начинаетъ ее. Впереди всѣхъ насъ стоитъ Христосъ со своею жизнью и мы всѣ стараемся подражать ему и въ одномъ этомъ видимъ наше благо. Одни изъ насъ, какъ старецъ Кириллъ и жена Палагея, стоятъ впереди насъ, другіе сзади, третьи еще сзади, но всѣ идутъ по одному пути. Передовые уже близки къ закону Христа — отреченію отъ себя. — и погубили свою душу, чтобы пріобрѣсти ее. — Этимъ ничего не нужно, эти себя не жалѣютъ и все послѣднее, по Христову закону, отдаютъ просящему. Другіе есть по слабѣе, такіе, которые не могутъ все отдать, ослабѣваютъ безъ привычной одежды и пищи, и не все отдаютъ. Есть еще слабѣе, тѣ, которые только недавно вступили на путь, эти живутъ еще по старому, удерживаютъ много для себя и отдаютъ только лишнее. И эти то задніе приходятъ на помощь переднимъ. Кромѣ того, всѣ мы перепутаны родствомъ съ язычниками. У одного отецъ язычникъ держитъ имѣніе и даетъ сыну. Сынъ даетъ просящимъ, но отецъ опять даетъ. У другого мать язычница, жалѣетъ сына и помогаетъ ему. У третьяго дѣти язычники, а мать христіанка и дѣти поклѣтъ мать, даютъ ей и просятъ не раздавать, а она, изъ любви къ нимъ, принимаетъ и все-

таки отдаетъ другимъ. У четвертаго жена язычница, а мужъ христіанинъ. У пятаго мужъ язычникъ, а жена христіанка. Такъ перепутаны всѣ, и передніе рады бы отдать послѣднее, да не могутъ. Этимъ-то и поддерживаются слабые въ вѣрѣ и отъ этого-то набирается много лишняго.

На это Юлій сказалъ:

— Но если такъ, то вы, значитъ, отступаете отъ ученія Христа и только видъ дѣлаете. А если вы не все отдаете, то и нѣтъ между нами и вами разницы. По мнѣ, если уже быть христіаниномъ, такъ исполнить все: отдать все и остаться нищимъ.

— А это лучше всего,— сказалъ Памфілій.— И сдѣлай такъ!

— Да я сдѣлаю, когда увижу, что вы дѣлаете.

— Мы ничего показывать не хотимъ. И тебѣ не совѣтую идти къ намъ и выходить изъ своей жизни для показа, дѣлаемъ мы то, что дѣлаемъ, не для показа, а по вѣрѣ нашей.

— Что значитъ, по вѣрѣ?

— А по вѣрѣ значитъ то, что спасеніе отъ золь міра, отъ смерти, только въ жизни по ученію Христа. И для насъ все равно, что скажутъ про насъ люди. Мы дѣлаемъ не для людей, а потому что только въ этомъ мы видимъ жизнь и благо.

— Нельзя не жить для себя,— сказалъ Юлій.— Боги сами вложили въ насъ то, что мы любимъ себя больше другихъ и ищемъ себѣ радостей. И вы тоже самое дѣлаете. Ты самъ говорилъ, что изъ вашихъ есть, которые себя жалѣютъ. Они будутъ больше и больше готовить себѣ радостей и все больше будутъ бросать вашу вѣру и будутъ тоже дѣлать, что и мы.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Памфілій, — наши идутъ по другому пути и никогда не слабѣютъ, но все сильнѣютъ: какъ огонь никогда не потухнетъ, когда на него подкладываютъ дрова. Въ этомъ то и вѣра!

— Не пойму я, въ чемъ эта вѣра.

— Вѣра наша въ томъ, что мы понимаемъ жизнь такъ, какъ объяснилъ намъ ее Христосъ.

— Какъ же?

— Христосъ сказалъ такую притчу: — Жили виноградари въ чужомъ саду и должны были платить оброкъ хозяину. — Это мы, люди, живемъ въ мірѣ и должны платить оброкъ Богу, исполнять его волю. — А люди тѣ по мірской вѣрѣ подумали, что садъ ихній, что имъ за него платить нечего, а только и дѣла, что пользоваться плодами его. Прислалъ къ людямъ хозяинъ посланнаго, чтобы получить оброкъ, а они выгнали его. Прислалъ хозяинъ своего сына за оброкомъ, а они убили его, думая, что послѣ этого никто уже имъ не помѣшаетъ. Вотъ это мірская вѣра, по которой живутъ все люди міра, не признаніе того, что жизнь дана только для того, чтобы служить Богу. Христосъ же научилъ насъ тому, что мірская вѣра о томъ, что человѣку будетъ лучше, если онъ прогонетъ изъ сада посланнаго и сына хозяина и не дастъ оброка, что эта вѣра ложная, потому что не миновать: либо дать оброкъ, либо быть выгнаннымъ изъ сада. Онъ научилъ насъ тому, что все радости, которыя мы называемъ радостями: ѣда, питье, веселье, не могутъ быть радостями если въ нихъ полагается жизнь, что они радости только тогда, когда мы ищемъ другого, — исполненія воли Бога, что только тогда эти радости, какъ награда настоящая, слѣдуетъ за исполненіемъ воли Бога. Хотѣть брать радости безъ труда исполненія воли Бога, отрывать